

Аура Койвисто

Человек и его корова

Роковая экспедиция натуралиста
Георга Стеллера



Paulsen

2023

УДК 599.55
ББК 28.693.36 (4Фин=661.1)
К55

Aura Koivisto
Mies ja Merilehmä

перевод с финского Любови Шалыгиной

Койвисто Аура

К55 **Человек и его корова**/ Аура Койвисто. – Москва: Паулсен, 2023
– 296 с.

ISBN 978-5-98797-356-1

Эта книга — биография Георга Стеллера — неординарного ученого, обладавшего неумным любопытством, невероятным трудолюбием и редкой широтой интересов. Стеллер был натуралистом в Великой Северной экспедиции Витуса Беринга и оставил нам бесценный материал о природной среде Камчатки, Аляски и Дальнего Востока.

Но труд финской писательницы и популяризатора науки Ауры Койвисто не только исторический. Прежде всего, целью автора было привлечь наше внимание к тому, что сейчас, при нашей жизни происходит с природой и окружающей средой. Открытая ученым корова Стеллера — животное, исчезнувшее с лица земли за каких-то 27 лет. «Стеллерова корова умерла, и мир вновь стал чуть более одиноким местом». Эта фраза принадлежит морскому зоологу Виктору Б. Шефферу, и вряд ли можно описать вымирание лучше. Ответственность человека, его роль и место среди соседей по планете — вот темы, которые поднимает в своей книге Койвисто.

Хотелось бы обратить внимание читателя на язык и стиль изложения книги. Автору удалось превратить научный материал в захватывающий, читающийся на одном дыхании роман.

Книга издана при финансовой поддержке
FILI — Finnish Literature Exchange



УДК 599.55
ББК 28.693.36 (4Фин=661.1)
К55

ISBN 978-5-98797-356-1

© Aura Koivisto, 2019
Публикуется на основании договора
с Into Kustannus, Финляндия
© ООО «Паулсен», издание на русском языке, 2023

«Я часто вспоминал одинокие минуты, проведенные на том острове в северном океане. Ничто другое не напоминало о себе подобным образом. Возможно, причина кроется в том, что жизнь наша висела на волоске и потому наполнявшие ее события ощущались столь остро?»

Это были странные времена, странные и невероятные, несмотря на все наши обыденные занятия и многочисленные хвори. Варить мясной суп, колоть дрова, штопать одежду, страдать от медвежьей болезни, трещин на коже и судорог в мышцах – и при том жить словно на собственной маленькой планете, в безлюдном космосе посреди неба и моря, забытыми остальным миром. Для людей мы были мертвы, и смерть поистине была среди нас частым гостем.

Наша примитивная жизнь требовала тяжелого труда и постоянного риска. Вопрошать и сомневаться было нельзя. Борьба за жизнь с холодом и голодом велась отчаянная, и нам оставалось лишь выкладываться в полную силу и верить, что когда-нибудь, Бог даст, мы доберемся до материка.

Тяжелее всего было жить в отсутствии света, поскольку на работу и досугие занятия оставалось лишь немного времени, а вынужденное безделье не шло на пользу никому из нас. Еще до того, как море выбросило нас на берег, казалось, что весь мир накрыли сумерки, тяжелые, как небосвод, и после этого протянулась вереница облачных, туманных и серых дней – словно мгла чередовалась с одним лишь непроглядным мраком. Северное сияние я видел только раз.

С приходом зимы все скрылось подо льдом и наметенными ветром сугробами, и как только ни трепал нас ветер! Целыми днями напролет, так, что на улице тяжело было даже держаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы сохранять верное направление. Снежный вихрь слепил глаза и вонзался в лицо тысячами сверкающих шипов; оборачиваясь, в сугробе не разглядеть было собственных следов, они исчезали в то же мгновение. В расщелинах меж скалами с пугающей силой свистел и завывал ветер, словно некий злой дух вырвался на свободу и безумствовал в своей ярости, и с той же яростной неистовостью море билось о берега и рокотало, стремясь превратить наш остров в тысячи обломков. В феврале показалось, что конец наш близок – остров содрогнулся от землетрясения. Сперва нас накрыло мощной волной звуков, длившейся много минут, и потом под ногами задрожала земля. Я был в землянке, когда стены заходили ходуном, и мигом выбрался наружу, чтобы увидеть, что происходит. Море же оставалось спокойным, погода была самой что ни на есть погожей...

Мы пережили три землетрясения. Летом случилось последнее, напомнившее нам о том, что человек – создание хрупкое, а в этих широтах силы природы ведут себя непредсказуемо в любое время года. Тогда я подумал, что жизнь человека для природы в целом ничего не значит, но она ценна для Господа, и в то же время случаются моменты, когда кажется, будто Всевышний отвернулся от нас

и оставил человека на милость природы. Нам необходимо лишь пережить это, пытаясь не сломаться.

Я оказываюсь там во всех своих воспоминаниях. Посреди ландшафта, где царят бесконечно несущее буруны море, небесная высь и арктическое безделье. Повсюду беспредельность и простор. В отдалении возвышаются горы, уходящие оттенком в фиолетовый, их контуры местами превращаются в изломанные скалы или утесы, поднимающиеся прямо из морских волн. На низких берегах заросли травы, галька и песок образуют бесконечные, спокойные, неизменные пейзажи. Однако есть и участки, вид которых меняется ежедневно: некоторые пляжи можно обойти только в отлив, потом море начинает беспокойно двигаться, и вскоре вода уже закрывает подножья скал.

На побережье нашего острова возвышаются базальтовые скалы, напоминающие руины древних городов. В особенности в туманную погоду, в неверном свете, падающем сквозь мрачные штормовые облака, эти величественные башни, столбы и арочные своды поражают воображение. Да, камня здесь хватает, хотя волны крушили и шлифовали его от начала времен.

Время, которого у меня на острове пока хватает, никак о себе не заявляет, поскольку в собственном безвременьи море и скалы не говорят ничего, а человеческого поселения на острове нет. Нет ничего, кроме нашего лагеря, наспех собранного укрытия, построенного в беде и позже укрепленного теми жалкими материалами, что были нам доступны. По этим примитивным землянкам трудно понять их возраст – столетие туда, столетие сюда... Наши шалаши, сложенные из плавника, досок потерпевшего крушение корабля, шкур животных и обрывков парусины, наполовину вкопанные в землю. Мы зовем их могилами, а ведь они помогли нам выжить, и неподалеку, на заросших лютиками и диким щавелем полях, лежат настоящие могилы.

Один из тех, кто в них покоится, – наш капитан Витус Беринг, скончавшийся восьмого декабря 1741 года. В память о командоре мы назвали этот остров его именем.

Мы были его экспедицией, и это было его путешествие в Америку, из которого капитан так никогда и не вернулся. Отважный двухмачтовый пакетбот «Святой Петр» отправился в путь в июне 1741-го и потерпел крушение в ноябре того же года.

Капитан Витус Беринг назначил меня, Георга Вильгельма Стеллера, геологом экспедиции. Назначение это не вмещало в себя всех моих занятий, поскольку в них входили также всевозможные наблюдения за природой, а меня интересовало все: игры морских выдр и целебные травы, лососи, поднимающиеся на рефест в реки, и малина, алая, как эти лососи, кулики-сорочки и сизоворонки... Также приходилось мне изучать первобытные племена и их жизнь.

Искать то, что еще не отыскали – вот что было моим призванием, моей страстью, моей тягой, заставлявшей отступить все остальное. Я оставил родную Германию и стал служить Российской империи, получив звание адъюнкта Петербургской академии наук. Меня направили в экспедицию, сперва в Сибирь, где я встретил соотечественников, профессоров Герхарда Фридриха Миллера и Иоганна Георга Гмелина, а позже на Камчатку. Там меня и застало приглашение от капитана Витуса Беринга отправиться в путешествие вместе с ним.

Я говорю «направили», «пригласили», но на деле я сам напросился в путь. Это была моя жизнь, и служил я не только России или Академии наук, но прежде всего науке и Господу.

В Сибири, на Камчатке и в Америке я описал множество доселе неизвестных науке животных и растений, которые позже получили мое имя.

*Стеллерова корова. *Hydrodamalis gigas*. Известнейшая моя находка. Гиганты, качавшиеся на волнах бескрайнего океана, вес их достигал нескольких тонн. Они выглядели необычайно крупными тюленями, хотя на самом деле принадлежали к виду сифен.*

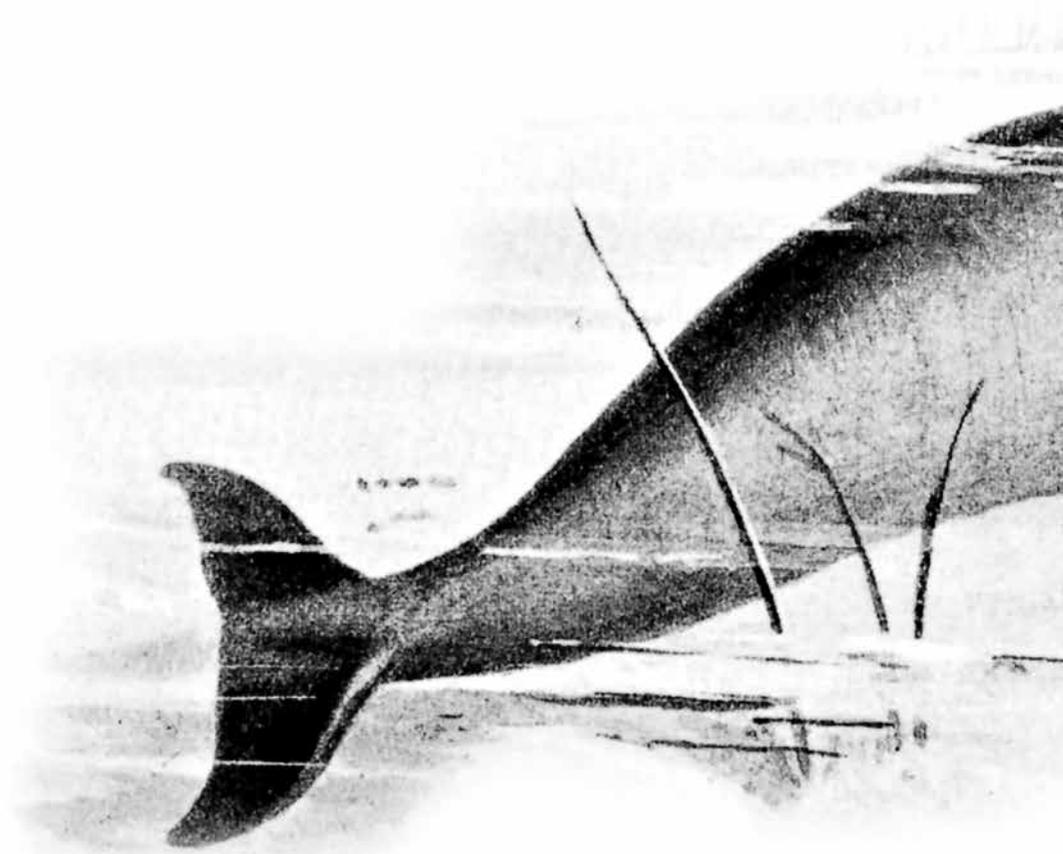
У них была маленькая голова и круглое туловище, одетое в толстую и шершавую, словно кора дуба, кожу – она оберегала их во льдах и на мелководье. Своими тупоносными усатыми мордами они обедали в изобилии растущие на побережье водоросли и этим кормились. Семейство морских коров всегда передвигалось сообща, а пары хранили верность друг другу. По природе своей они были дружелюбными и удивительно добрыми. Если кто-то из семейства был ранен, то остальные собиравались вокруг него и не покидали, несмотря на приближение охотников.

Мы тоже охотились на них, убив и съев тринадцать особей.

Теперь я знаю: расположенные к востоку от Камчатки Командорские острова были единственным местом на планете, где они еще водились. За нами пришли другие, каждый год прибывали все новые и новые суда, новые люди, охотники: они приходили за пушниной, но на морских коров охотились для пропитания, как и мы, и они убивали этих мирных животных столь безжалостно, что вскоре количество их существенно уменьшилось, а позже они и вовсе исчезли.

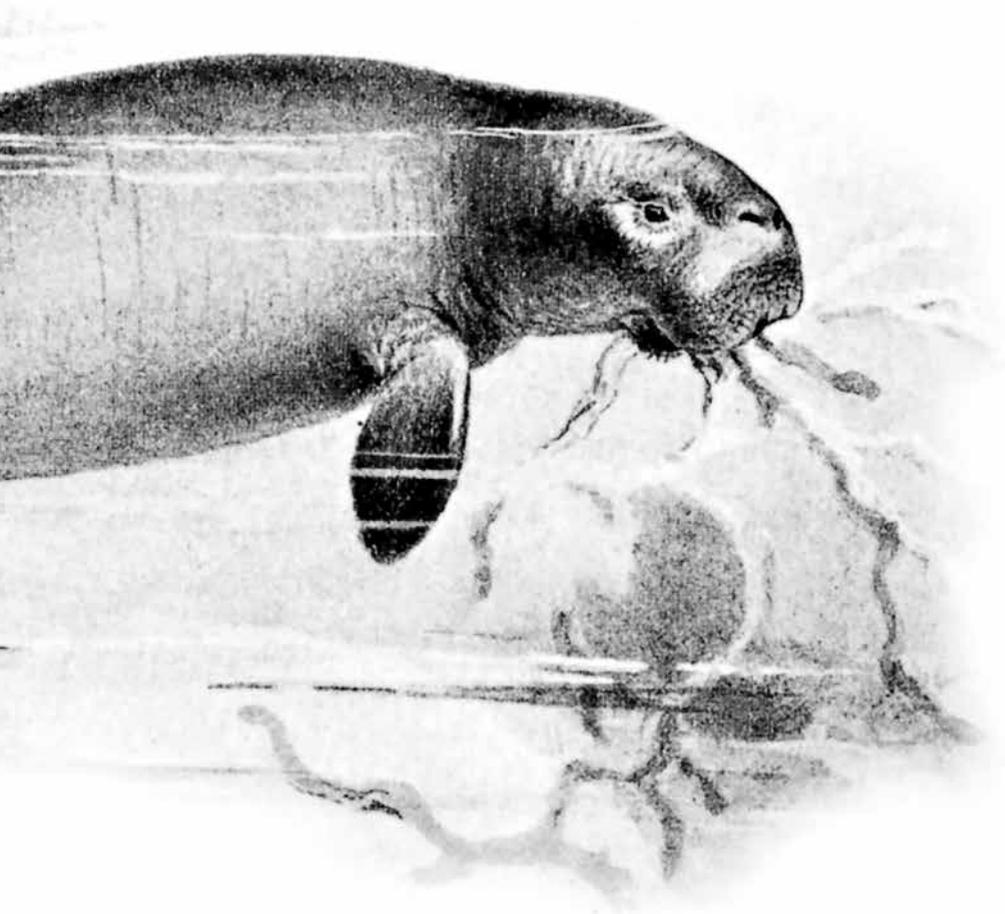
Последний раз морских коров видели всего спустя двадцать лет после того, как мы впервые обнаружили их.

Стеллерова корова исчезла с лица земли, как и я. И если кости морской коровы еще можно отыскать в музеях мира, то от меня не осталось даже праха. Моя могила на берегу сибирской реки Туры была давным-давно уничтожена: по весне река разливалась, год за годом половодье размывало берега, и в итоге круча обрушилась в воду, унеся с собой и мои останки».



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Великие планы



Неугомонный странник

Как человек, ушедший в мир иной, может рассказать о своей жизни и взглянуть в будущее, вернуться в настоящее? Никак. Сознание покидает человека после смерти, оно растворяется в небытии. Доказательств иного в истории человечества не существует. Каждый может гордиться этой своей уникальностью или сокрушаться о бренности, но, хотим мы того или нет, непрерывность человеческого бытия – это нечто иное, нежели осознанность, память и личность отдельного индивида.

Те, кто продолжает род, передают свои гены потомкам, но помимо этого человеческое существование включает в себя легенды, познания, навыки, мораль, размышления и чувства. Кровные родственники есть не у всех, однако вряд ли отыщется хоть один человек, у которого ни в прошлом, ни в будущем не существовало ни единой родственной души.

Вот поэтому частичку когда-то ходившего по земле человека можно пробудить к жизни, и это может происходить вновь и вновь. Эта частичка – следы, оставленные человеком и его современниками, будь то рукописи, фотографии или что-то еще – заключает в себе страницы личной истории, волнующие тех, кто появился на свет позже. Мы нуждаемся в этом – в прикосновении, в сопричастности, в переживаниях, которые можно примерить на себя. Благодаря этому мы можем прожить и пережить целую вереницу жизней и эпох, а давно ушедшие как бы воскресают благодаря нам.

Да, в конце концов мы все умираем, и сознание нас покидает, однако многие оставляют следы, по крайней мере пока род человеческий как биологический вид живет и здравствует. Возможно, наш вид сохранился бы еще лучше, не говоря уже о других видах, если бы мы могли и умели соперничать друг другу еще сильнее, чем сейчас.

Но почему именно Георг Вильгельм Стеллер, этот давно почивший путешественник, вдруг начал преследовать меня в мыслях?

Причина появления на свет этой книги кроется в воспоминании более чем тридцатилетней давности.

Мы с друзьями путешествуем по Северной Норвегии, по самому берегу Северного Ледовитого океана. Мы успели пройтись по волнам в лодчонке Эрлинга Сундве, деревенского лавочника из Хамнингберга, нас намочило брызгами и укачало, и вот мы подошли к величественным утесам Сюльтефьорда.

Утесы поднимаются из морских волн отвесной стеной – и их целиком и полностью заполонили птичьи базары. Мы с друзьями – активные орнитологи-любители, но увиденное нами обилие пернатых побивает весь наш прошлый опыт. Это невероятно, словами увиденное не описать. Оглушает шум, который издают десятки тысяч птиц – моевки, кайры, гагарки и бакланы, – набившиеся на скалы и утесы и криками заявляющие о своем существовании и праве на продолжение рода. Какофония звуков сопровождается постоянным движением: в воздухе вихрем кружатся, порхают, ныряют и пролетают мимо птицы, словно комариный рой, и воздух густеет от перьев, гуано, морских водорослей и сильного соленого запаха прилива. Изящные белые олуши, оккупировавшие похожий на башню скалистый выступ, кажутся нам особенно экзотичными – в них чувствуется та же величественность крупной птицы, что и в альбатросе.

Птичья вселенная на скалах кажется нам необычной, мы словно совершили путешествие во времени. Перед нашими глазами будто бы возник мир – таким, каким он был во времена, когда человек был лишь крошечной букашкой, а природа цвела пышностью и многообразием, о которых сейчас остается лишь мечтать.

Помимо птичьего разнообразия мне запомнилось одно крошечное растение. Оно покрывает камни и скалы плотным сочно-зеленым ковром и цветет шарообразными белыми соцветиями. Это *Cochlearia officinalis*, ложечница лекарственная из семейства крестоцветных. Эрлинг Сундве рассказал, что некогда ложечница использовалась моряками как средство от цинги. На вкус она приятно кислит, витамин С буквально можно ощутить на языке.

Стеллер во время своего морского путешествия тоже собирал ложечницу.

Не уверена, думал ли Сундве именно о Стеллере, рассказывая мне об этом растении, но он мог прочесть его биографию, и, как человек, знакомый с природой не понаслышке, он наверняка хоть что-то о Стеллере знал, хотя бы имя. Одним из видов, описанных Стеллером, была сибирская гага, *Polysticta stelleri*, которую на этих норвежских берегах мы наблюдали в свои бинокли. Эта водоплавающая птица гнездится в сибирской тундре, вдоль побережья

Северного Ледовитого океана, а зимует в Скандинавии, в том числе на полуострове Варангер. Пестрое оперение самца поражает своей красотой. Сибирская гага – охраняемый вид, находящийся под угрозой исчезновения – как и многие другие...

Норвегия осталась позади. После я десять лет прожила на эстонском острове Вормси, но там атмосфера была другой. Ни приливов, ни гор. На берегах пестрое разнотравье, словно в южном саду, солнечный свет и ласковый блеск моря... Цинга и борющиеся со штормом моряки из экспедиции Беринга забылись.

Тридцать лет спустя я вновь оказалась на Варангере. Там Стеллер и настиг меня.

Северный Ледовитый – это хотя бы океан. Там можно увидеть китов, оттуда теоретически можно попасть куда угодно. Добраться до Камчатки и Аляски. Беспредельность моря и неба заставляют задумываться о бесконечности. Да, есть люди, которые у безбрежного моря чувствуют себя песчинкой, но лично меня захватывает его величие. На самом деле, меня обуревают жажда знаний. Я хочу знать все обо всем, ведь мир такой огромный – и на берегу океана это понимаешь отчетливей, чем где-либо еще.

Жажда знаний наложила отпечаток на весь жизненный путь Стеллера. Чтобы получить эти знания, он готов был вытерпеть немислимые лишения. Знаний, которые предлагали другие, ему было недостаточно, он хотел отправиться на поиски самостоятельно и отыскать сокровище.

Такая жажда знаний порождает на свет искателей приключений.

Прочитав немного о Стеллере, я хочу знать больше. Еще больше. Я заказываю книги одну за другой и разглядываю в интернете фотографии острова Беринга, Аляски, экзотических птиц и неизвестных растений, смотрю на рисунки стеллеровой коровы, расстилаю по рабочему столу карты...

Праздник наступает, когда спустя недели ожидания из Штатов приходит заказанная мной шестисотстраничная биография Стеллера, написанная Леонардом Штейнегером.

Штейнегер, живший на рубеже XIX и XX веков, был зоологом и орнитологом, норвежцем по происхождению, позже переехавшим в Штаты. Помимо остальных исследований, его заинтересовала личность Стеллера, и он провел длительное время на острове Беринга, собирая информацию о встречающихся там видах животных и растений, а также разыскивая останки стеллеровой коровы. Леонард

Штейнегер. Это имя стоит запомнить, потому что далее на страницах своей книги я не раз буду упоминать его книгу «*Georg Wilhelm Steller: The Pioneer of Alaskan Natural History*» (Георг Вильгельм Стеллер: пионер естественной истории Аляски).

Книга впервые вышла из печати в 1936 году, однако попавший мне в руки букинистический экземпляр был выпущен в 1970-м, он выглядит новеньким и незахвачанным, этакий кирпич в обложке из бордовой кожи, в нем есть что-то библейское. На форзаце красуются изящные черно-белые рисунки, на которых изображены голубая сойка (*Cyanocitta cristata*) и стеллерова черноголовая голубая сойка (*Cyanositta stelleri*), а также горькая эпитафия выдающегося биолога Карла Линнея на смерть Стеллера: *O bone deus, quod tantum virum eripuisti!* (О, милостивый Боже, какого мужа ты у нас отнял!)

Я погружаюсь в книгу, охваченная буквально благоговейным порывом, словно влюбленная в этого мужчину, жившего за три века до меня! С другой стороны, почему нет? Его личность завораживает даже сквозь книжные страницы. Смелый, харизматичный, острый умом. Непринужденный, непритворный, нетерпеливый, неистовый. Человек, требовавший справедливости и беспристрастности, прямолинейный, саркастичный, строгий, поэтический. Восхитительно противоречивый, добросердечный и жизнерадостный ворчун...

По правде говоря, есть у него и куда менее приятные черты. Впервые столкнувшись со Стеллером в двадцать лет, я испытывала к нему отвращение: садист, мучивший животных! Прошло тридцать лет, прежде чем я смогла отпустить естествоиспытателю грехи и познакомиться с ним поближе. Сперва нужно было свыкнуться с мыслью, что человека стоит оценивать в контексте его эпохи.

Героем он был, и героической была история его приключений, наблюдая за которыми читатель мучительно переживает, выживут ли персонажи и что произойдет с ними далее, несмотря на то, что из учебников известны главные повороты сюжета. Люди со своими разными судьбами и расходящимися и сходящимися дорогами...

Но этим история не ограничивается. Любителю природы Стеллер предлагает географический размах и разнообразие видов. А еще впечатляющие пейзажи, уникальные растения и чудесных животных, каждое из которых имеет свою историю. Под конец этот масштабный исторический труд порождает вопросы. Какой была связь между человеком и природой тогда, триста лет назад, и какова она сейчас, что изменилось, а что осталось прежним?

Я думаю о том, кем был Стеллер, о выборе, который он делал, о его взглядах на мир. Что успел увидеть, испытать, передумать и прочувствовать этот человек? И что бы он сказал о нашей эпохе? Размышляя над этими вопросами, я отправляюсь в путешествие на волнах собственного воображения, перепрыгиваю в другое столетие и становлюсь другим человеком, моя собственная жизнь словно растворяется... До тех пор, пока не наступает время взять дистанцию, вернуться к реальности – и насладиться человеческой склонностью заглядывать в будущее и спекулировать историей. Удивительно, как давно покинувший эту землю человек может внезапно расцветить твою жизнь!

Потомки знают Стеллера как участника широко известной Великой Северной экспедиции Витуса Беринга к берегам Америки. На самом деле, с точки зрения нынешнего поколения, более пристало называть это путешествие экспедицией Стеллера, нежели Беринга, потому что до нас дошли записки первого, а не последнего.

Официально в Петербургской академии наук Стеллер занимал должность адъюнкта, которую в современных вузах уже не встретишь. В нынешних реалиях это могло бы обозначать ассистента. В академической иерархии адъюнкт стоял выше студентов, служивших в экспедициях помощниками, но ниже профессоров.

Академия наук была основана указом Петра Великого в 1724 году, однако воплощение его замыслов в жизнь после смерти императора легло на плечи супруги и преемницы Петра Екатерины I. Задачей новой институции было вывести научные достижения России на уровень Западной Европы, а лучше еще выше, и конечно, император понимал, что наука может послужить также экономическим, административным и военным целям.

В своей земле ученых поначалу не хватало, в связи с чем на помощь призвали иностранное подкрепление. Люди науки чаще всего прибывали из Германии. Обычно это были молодые, едва перешагнувшие двадцатилетний рубеж мужчины в самом начале своей карьеры, которым Россия предлагала головокружительные возможности.

Стеллер также был немцем. Он родился в небольшом городке Бад-Винсхайм в провинции Франкония 10 марта 1709 года. Отец его служил в церкви кантором, и в большой семье было десять детей. Образование Стеллер получил в известных университетах Виттенберга и Галле, также обучался в Лейпциге и Йене, однако там, судя по всему, не прижился. Стеллер начал изучать теологию, но позже духовное уступило место материальному, и будущий искатель приключений стал заниматься

анатомией и углубился в зоологию и ботанику. Больше всего его интересовали растения, и он погрузился в их изучение с такой страстью, что его наставник Фридрих Гоффман начал подготавливать для него профессорское место в университете Галле.

Семидесятилетний Гоффман был уважаемым человеком, придворным лекарем, а также профессором медицины, помимо этого он занимался ботаникой и другими науками, в ущерб собственным силам и времени, которых никак не хватало на все. Он поторопил Стеллера с тем, чтобы тот защитил диплом ботаника в Прусском королевском научном обществе и тем самым открыл себе доступ к преподаванию в университете Галле, но когда Стеллер наконец завершил образование, дело встало. Основать новую профессию мог лишь король, но ему было не до этого: Фридриха одолевала болезнь, и доктор Гоффман должен был спешить ему на помощь. Назначение на должность маячило где-то в туманном будущем.

Юность хочет жить, а не ждать. Стеллер прощается со своей несбывшейся университетской карьерой и безопасной городской жизнью в Европе и отбывает в Россию.

Ему 25 лет, он в чужой стране, в окружении чужого языка и культуры, но свое место он находит удивительно быстро. Новая жизнь принесла с собой и новое имя: изначально его фамилия звучала как Штёллер (*Stöller*). Скорее всего, он не хочет пугать новое окружение труднопроизносимым именем с умляутом. В то же время ему самому предстоит освоить непривычную кириллицу. Вдобавок нужно приспособиться к новому, точнее, старому летоисчислению: в России используют юлианский календарь, на 11 дней отстающий от григорианского.

В исторических книгах обычно отталкиваются от летоисчисления, принятого в той или иной стране, таким образом события, происходившие в России, часто излагают хронологически согласно юлианскому календарю. По этой причине происходящее на страницах этой книги на 11 дней отстает от нашего летоисчисления. Точные числа большого значения не имеют, впрочем, принимая во внимание даты экспедиции Беринга и суровые погодные условия, стоит помнить, что на деле зима была ближе, нежели указывают записи в судовом журнале.

Прибыв в Россию, Стеллер поселяется в Санкт-Петербурге, однако совсем скоро в мечтах он видит себя в Сибири – не самая обычная фантазия для человека что тогда, что в наши дни, – и в итоге именно там он и оказывается.

Исследователь преодолевает тысячи километров – то на санях, то на речном судне или пешком, ночует под открытым небом и в курных избах. Попав в конце концов на восточную границу Азии, оттуда он устремляется дальше, к морю, к неизведанным водам, несмотря на то, что он всего лишь «сухопутная крыса», а не бравый мореход.

Капитан-командор Витус Беринг назначил Стеллера экспедиционным геологом, но тому одним минералов было недостаточно. Стеллер был естествоиспытателем, которого интересовало все: не только выдры, моллюски и зонтичные, но и представители его собственного вида. Как в Америке, так и в России он с воодушевлением занимался антропологическими наблюдениями, изучая, к примеру, пищевую культуру ительменов и размышляя над тем, как произошло заселение Америки.

Благодаря экспедиции Беринга Стеллер стал первым европейским ученым, когда-либо ступившим на землю Аляски. Во время путешествий по Сибири и Аляске он успел описать множество доселе неизвестных науке видов растений и животных, часть которых позже получила его имя. В русском языке сохранились стеллерова корова, морской лев Стеллера, он же сивуч, и стеллерова черноголовая сойка; во многих языках от этих наименований понемногу отказываются, поскольку название вида, по мнению ученых, должно характеризовать его носителей, а не исторических личностей. В научных перечнях флоры и фауны имя Стеллера встречается существенно чаще, чем в обиходе, поскольку многие птицы, рыбы, моллюски и в особенности растения названы в его честь.

Тем не менее, лишь часть сделанных Стеллером находок названа в его честь. Поскольку сам Стеллер не успел обработать все собранные им сведения и образцы, а классификация растительного и животного мира, составленная Карлом Линнеем, в его время не использовалась, довольно трудно отследить, сколько же видов Стеллер в итоге описал для науки. Принятый в биологической систематике способ определения видов подразумевает, что после имени рода следует видовой эпитет, часто образованный от имени ученого, назвавшего вид. Находки Стеллера, включавшие в себя собранные им гербарии, образцы минералов и их описания, после его смерти обрабатывали другие ученые в течение долгих десятилетий. Поэтому открытые Стеллером виды часто носят имя другого человека. Результаты работ Стеллера помимо Линнея описали также Иоганн Георг Гмелин, Иоганн Фридрих Гмелин, Петер Симон Паллас, Вильгельм Готтлиб фон Тилезиус,

Жорж Кювье и Александр Федорович Миддендорф. Длинный список имен свидетельствует о том, что находок было много!

Многие из них – это азиатские или североамериканские виды, у которых не существует названия в финском языке. Однако среди сибирской и аляскинской флоры и фауны затесались и более знакомые виды, например, распространенная в финских водоемах трехиглая колюшка (*Gasterosteus aculeatus*), крошечная рыбешка, которую биологи, однако, считают весьма занимательной. В свою очередь, садоводам знаком лук-батун (*Allium fistulosum*), который напоминает шнитт-лук и распространен повсеместно. Стеллер обнаружил его в Сибири на подступах к Байкалу*.

Описаний самого Стеллера не сохранилось. До нас не дошло ни единого достоверного портрета, поэтому нельзя с уверенностью говорить, как он выглядел. Среди словесных описаний встречается определение *corpore indurato* («выносливое телосложение»), и более-менее ясно, что толстяком он не был, поскольку напряженный ритм экспедиций требовал хорошей физической формы.

До изобретения фотографии в экспедиции нанимали художников, которые документировали открытия для потомков в рисунках и картинах, и такие художники сопровождали и Стеллера в его научных изысканиях. Одним из них был Иоганн Берхан. Считается, что на одном из его рисунков запечатлен именно Стеллер: черты лица мужчины, облаченного в шаманское одеяние, явно европейские. Воспользовавшись этим наброском, художник Иван Станков написал портрет Стеллера, представленный в 2016 году в Тюменском университете. К тому моменту, как мой издатель узнал о картине и прислал мне фотографию, я уже успела мысленно нарисовать свой собственный портрет Стеллера. Мужчина на картине Станкова выглядит аристократично, тонкими чертами лица он напоминает принца, в то время как мой Стеллер выглядит грубовато. Мне тяжело отказаться от своих фантазий, хоть я и вынуждена признать, что особых оснований для них нет.

* Внешний вид трехиглой колюшки может варьироваться, а социальная жизнь этого вида привлекает немалый интерес. Сбивающиеся в косяки рыбы способны узнавать друг друга, и ученые заметили, что им свойственны принципы честной игры: помоги мне и я помогу тебе. Самцы трехиглой колюшки – заботливые папаша. Они строят для своих икринок небольшое гнездо, регулярно проветривают его, охраняя и поддерживая чистоту, а после того, как вылупляются на свет мальки, какое-то время ухаживают и за ними. Однажды я наблюдала за тем, как на дне неглубокого ручья папаша-колюшка яростно отгонял от гнезда всех приближающихся рыб. Его окраска во время нереста сияла великолепными оттенками синего и оранжевого. В свою очередь, Стеллер наблюдал за трехиглой колюшкой на побережье Камчатки и Курильских островов.